

ДМИТРИЙ КЕДРИН

(1907 – 1945)

Поэт, философ, художник Максимилиан Волошин в венке сонетов “Corona Astralis” (1909) писал о некоем братстве “изгнанников, скитальцев и поэтов”, “в ком тлеет боль внежизненных обид”:

*В себе несем свое изгнанье мы –
В мирах любви неверные кометы.*

Д. Кедрин вошел в это братство “*неверных комет*”. Стремление к “свободе духовной”, “которая носит имя – Воля: воля жить, скитаться, творить и умереть независимым”¹ было присуще ему. При жизни вышла единственная “злосчастная” книжка “Свидетели” (1940 г.), куда вошло лишь семнадцать стихотворений поэта. Но невозможно сегодня представить себе антологию русской поэзии XX в. без “Зодчих”, “Коня”, “Приданого”, “Свадьбы”, “Красоты” Дмитрия Кедрина.

Самым “автобиографическим” своим произведением Кедрин считал драму “Рембрандт”:

“Здесь больше всего меня”.

Поэт воссоздал образы беспокойных духом мастеров прошлого – “безвестных владимирских зодчих”, Коня, Саади, Фирдоуси, “живописца нищих”... Трагичны судьбы творцов красоты. Неизбежен и вечен конфликт между Талантом и Властью. Обращение поэта к истории было возможностью “сказать о себе, выразить свое отношение к миру”².

Большую часть своей жизни Дмитрий Кедрин провел в Екатеринославе. Родился 4 февраля 1907 г. в городе Балта Подольской губернии. Погиб 18 сентября 1945 г. под Москвой.

“Существуют две тайны, связанные с именем поэта Дмитрия Кедрина – тайна рождения и тайна смерти”³ – написала дочь поэта Светлана Кедрина.

“Дедом Дмитрия Кедрина по матери был вельможный пан Иван Иванович Рутенко-Рутницкий. Проиграв свое родовое имение в карты, он в Гайсине, на Волыни, стал управляющим имением графа Потоцкого. Был Иван Иванович человеком крутого нрава, заядлым охотником, держал свору собак. Он долго не женился, а в сорок пять лет выиграл в

карты у своего приятеля его дочь Неонила, которой было пятнадцать лет. Иван Иванович ждал, пока ей исполнится шестнадцать и по разрешению Синода женился на ней. Неонила

Васильевна всю жизнь трепетала перед мужем и называла его на “вы”. Иногда, выпив лишнее,

он плакал, вспоминая прошлое, когда у него было имение, когда он был хозяином, и ходил с высоко поднятой головой. Особенно страшным было воспоминание о той ночи, когда он вконец проигрался и стал нищим.

Если Иван Иванович вносил в жизнь некоторую суматошность и беспорядок, то Неонила Васильевна, наоборот, любила порядок и уют, была ласковой и нежной матерью. Она в браке родила пятерых детей: Людмилу, Дмитрия, Марию, Неонила и Ольгу...

Все девушки Рутницкие учились в институте благородных девиц в Киеве. Дмитрий в восемнадцатилетнем возрасте кончил жизнь самоубийством из-за несчастной любви. Вышли замуж Мария и Неонила, и с родителями остались – старшая, двадцатипятилетняя Людмила, некрасивая, засидевшаяся в девушках, и младшая –

прелестная, романтическая, любимица отца – Ольга.

Чтобы выдать старшую дочь Людмилу, Иван Иванович не пожалел ста тысяч приданого. Мужем Людмилы стал Борис Михайлович Кедрин – в прошлом военный, за дуэли вывороненный из полка и живущий на долги. Молодые уезжают в Екатеринослав, где Борис Михайлович, получивший в свое распоряжение приданое жены, вступает в акционерное общество, которое занималось строительством Екатерининской железной дороги. Позже по делам мужа они переезжают в Юзово.

После отъезда Кедриных Ольга вдруг призналась матери, что беременна. Сказала ли она о том, кто отец ребенка – неизвестно, а мать, зная крутой нрав мужа и его вздорность, сейчас же отослала младшую дочь в Балту. Неонила отвезла сестру в знакомую молдавскую семью, неподалеку от Балты, где Ольга родила сына.

Неонила уговаривает мужа усыновить ребенка сестры, но тот, боясь осложнений по службе, отказывается, тогда Ольга едет к Кедриным в Юзово. Боясь гнева отца и позора, она оставляет ребенка в молдавской семье, где у мальчика была кормилица. Ольге удается уговорить Бориса Михайловича Кедрина усыновить ее ребенка, и здесь же, в Юзово, точнее, на Богодуховском руднике, предшественнике нынешнего города Донецка, за большие деньги, поп окрестил ребенка, записав его сыном Бориса Михайловича и Людмилы Ивановны Кедриных.

“Как незаконнорожденного, его скрывали от деда... Потом усыновление его дядей, нервным, злым...” – запишет в своем дневнике моя мать 4 февраля 1957 года, в день пятидесятилетия отца.

В момент крестин мальчику уже было около года. Назвали его Дмитрием – в память о рано ушедшем из жизни брате Ольги и Людмилы. После крестин он еще какое-то время жил в молдавской семье. Приезжая его проведать, Ольга видела, что мальчик худ, бледен и беспомощен, что он некрепко держится на ножках, часто падает и разбивается, вызывая смех не только у детей, но и у взрослых. Сердце Ольги разрывалось от боли, но пока она не была устроена, ей нельзя было брать ребенка. Первое фото отца относится к 1909 году, когда Дмитрию было более двух лет. Вероятнее всего, что в это время он уже был с матерью.

В своей автобиографии, написанной в 1943 году, перед отправкой на фронт, Дмитрий

Кедрин пишет: “До 1913 года жил в городе Балта Подольской губернии...”

В 1913 году Борис Михайлович Кедрин с женой возвращается в Екатеринослав. К этому времени он, вложивший все приданое жены в строительство Екатерининской железной дороги и прогоревший на этом, уже не является членом акционерного общества, а работает простым служащим в управлении Екатерининской железной дороги. От прежних времен у Кедриных сохранился выезд, Борис Михайлович является почетным гражданином города Екатеринослава, у них порою бывают шумные застолья, и сами они часто ездят в гости. Вернувшись в Екатеринослав, Борис Михайлович, не имевший собственных детей, просит привезти ему Митю.

Когда Ольга Ивановна с мальчиком приехала из Балты в Екатеринослав, они сели в коляску. У извозчика была широкая и большая спина, она закрывала всю дорогу впереди. У лошади передние ноги – коричневые, задние – белые. По сторонам дороги в ряд выстроились одинаковые деревья. “Это бульвар”, – шепнула сыну Оля. Вдалеке дымили

высоченные трубы. Проехали мимо черного дуба за загородкой. “Это поэт Пушкин”, – сказала Оля. “А что такое поэт?” – спросил мальчик. “Это человек, который пишет стихи”. – “Про петушка”? – “Да, и про золотого петушка – тоже”, – ответила Оля и засмеялась”⁴.

“...Род Кедриных очень древний, родоначальником его является грек Георгий Кедрин, или Кедрен из Византии, живший в конце XI – начале XII века. Он был писателем и церковным историком, составил обзор всемирных событий, начиная от сотворения мира. Самые известные его работы – это “Очерки по истории Византии”, а также “Повесть краткая о Александре Великом от церковного историка Георгия Кедрина”. Один из потомков Георгия Кедрина приехал в Россию. Он-то и положил начало русскому роду Кедриных”⁵.

В 1965 г. в доме Людмилы Ивановны Кедринной (вдовы поэта) и Светланы Дмитриевны (дочери) появился троюродный брат поэта – художник Вениамин Николаевич Кедрин.

Он-то

и открыл тайну, что Борис Михайлович усыновил собственного сына.

В 1914 г. умер отец Мити. Его похоронили на городском кладбище в Екатеринославе. Городские власти поставили ему памятник с надписью, что Б. М. Кедрин является почетным гражданином города. В 1915 г. умер дед Иван Иванович Руто-Рутенко-Рутницкий, все-таки узнавший о “трехе” младшей дочери и проклявший ее.

Оставшись без мужа, Людмила вызвала из Гайсина свою мать, Неонилу Васильевну, а из Балты – сестру Ольгу. “Три женщины качали в младенчестве колыбель мою”⁶, – отметил

позднее в своих записях Кедрин. В пять лет Дмитрий научился читать. Первые его книги –

это сказки Пушкина, Андерсена, романы Жюль Верна, позднее он стал интересоваться историей и географией, энциклопедиями и словарями. В доме хранились книги в старинных окладах, с металлическими застежками и прекрасными иллюстрациями.

“Я в гостях, в детстве целый вечер простоял носом к стене, на коленях, на стуле, разглядывая карту”⁷, – вспоминал Дмитрий Кедрин.

Бабушка, большая поклонница поэзии, сумела увлечь ею внука, развила его вкус, читая вслух Пушкина, Мицкевича, Шевченко. И украинским, и польским она владела в совершенстве,

отсюда, с раннего детства, начинается у Кедрина любовь к польской и украинской поэзии.

Спустя годы он переведет на русский язык знаменитую поэму Адама Мицкевича “Пан Твардовский”, стихи Максима Рыльского, Андрея Малышко, Владимира Сосюры.

Впоследствии Павел Антокольский отметил, что “... у Кедрина явственная близость и осведомленность не только в одном русском языке, но и в других славянских – украинском, польском...”⁸

Семья Кедриных снимала квартиру у Здрайковских на Надеждинской, 36 (ныне улица Чичерина). Дом находился (он сохранился) в районе Чечелевки, где жили в основном рабочие и служащие Брянского завода, путейцы Екатерининской железной дороги. В комнате Кедриных стояла старинная белая мебель. На стене в золоченой раме висела огромная репродукция с картины Васнецова «Иван-царевич на сером волке». “Серый волк царевича

Ивана по таким местам, видать, и вез”⁹, – писал Кедрин в стихотворении “Аленушка”.

В стихотворении “Бывало, в детстве...” (1945) перед нами встают картинки из детства поэта, воскрешаются образы бабушки и дедушки:

Бывало, в детстве я в чулан залезу,

Где сладко пахнет редькою в меду,

И в сундучке, окованном железом,

Рабочий ящик бабушки найду.

*В нем был тяжелый запах нафталина
И множество диковинных вещей:
Старинный веер из хвоста павлина,
Две сотни пуговиц и связка спиц...*¹⁰

В 1921 г. Дмитрий Кедрин написал стихотворение “Ночью”, посвященное другу юности,
поэту Федору Сорокину:

*Ночью проснулся ребенок и горько заплакал,
Небо клубилось и шло. Над амбаром догорала звезда.
Нянька храпела в углу. Будильник назойливо звякал.
Мерно в подставленный таз капала в кухне вода...*

Однажды бабушка повела Митю на праздничное богослужение. Один из священнослужителей взял мальчика на руки и посадил в роскошное кресло. “Большим человеком будешь”, – зашептались прихожане. Позже Кедрин записал в дневнике: “Церковь, обряд, торжественность, как основа моего понимания в раннем детстве. Тяга к искусству”¹¹.

В 1916 г. Митю, как сына почетного гражданина города, принимают учиться на казенный счет в Коммерческое училище (ныне здание Областной администрации). Тетушка Людмила “держала” в училище буфет, платила огромные налоги, себе в убыток, зато Митя всегда был на глазах, она могла его подкармливать.

“В форменной навьюрот шинели, с ученической сумкой за плечами, бежал Митя по зеленой Надеждинской улице к широкому проспекту Пушкина, где на бульваре возвышался памятник любимому поэту. И как бы ни спешил мальчик, он останавливался и который раз перечитывал давно знакомые строчки на постаменте:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал.*

“От бронзового Пушкина начинается у меня тяга к искусству”, “Бронзовый Пушкин, величественный столп нашей славы...Я прошел у его ног, прошел и поклонился”, – читаем мы в тетрадке Дмитрия Кедрина¹².”

В коммерческом училище Дмитрий учился до 1918 г., не окончив его “из-за войны и разрухи”, – как писал он в своей автобиографии. Тогда уже сочинял стихи и эпиграммы, принимал участие в выпуске рукописного журнала.

Свершился октябрьский переворот. Началась гражданская война.

Все эти события откладывались в памяти мальчика.

В архиве Кедрина остались отрывочные записи, сделанные им в 1935 г., со временем они должны были превратиться в поэму “Воспоминания”:

Воспоминанья детства!

Это было

*В том городе семнадцати властей,
Который поднимал семнадцать раз
Свои дома из пепла и развалин,
Чтобы назавтра снова их найти
В развалинах и пепле...*

В 1920 г. “сыпняком” заболели Митя и Оля. Их забрали в больницу, откуда мать Мити уже не вышла. Она умерла, когда ей было всего тридцать два года. Митя выздоровел, но ему долго не говорили об Оле. Потом признались, что она умерла и что она была ему мамой. Он очень сожалел и часто вспоминал ее, “хрупкую, с золотисто-карими глазами, тонкими

руками и удивительным голосом”¹³.

После революции тетушка Людмила отнесла в банк на хранение все сбережения.

Первая

же ворвавшаяся в Екатеринослав банда разграбила банк, и Кедрины остались без средств. Женщины продавали книги, иконы, одежду. Кое-как перебивались, жили мечтой – дать мальчику хорошее образование.

В 1922 г. Дмитрий поступил учиться в Екатеринославский техникум путей сообщения, где проучился до 1924-го. В техникум он поступил, следуя семейной традиции: оба дядюшки и

отец были путейцами. С дореволюционных времен в техникуме сохранилась прекрасная библиотека: Сенкевич, Дюма, Флобер, Бальзак, Жак Ренан “История происхождения христианства”, труды по астрономии Аррениуса и т. д.

Часто Дмитрий ходил к букинистам на Озерку, покупая книги по истории, географии, философии. Студентом он любил бывать в Историко-краеведческом музее у Дмитрия Ивановича Яворницкого, поразмышлять у каменных баб.

Образ каменной бабы появится в его стихотворении, написанном после войны:

*Месяц однорогой
Выплыл, затуманясь,
По степной дороге
Проходил германец.
С древнего кургана
В полусвете слабом
Скалилась нагая
Каменная баба...*

В техникуме Кедрин понял, что профессия путейца – не для него. Его все больше влекла к себе поэзия.

Кедрин пришел в поэзию в 1920-е годы – эпоху революционной эйфории и разрушений.

Он пытался идти в ногу со временем, оправдывая его противоречивость и жестокость во имя светлого будущего:

*Может быть, сегодня нужен фарс,
Чтобы завтра радость улыбалась?...*

“Затихший город”

Большое влияние на формирование творческих воззрений молодого поэта оказала среда – екатеринославская губернская молодежная газета “Грядущая смена” и литературная

организация “Молодая кузница”, но в комсомол его не приняли из-за дворянского происхождения. В ранних стихах Кедрину, по словам Луговского, не удалось избежать “*сильного привкуса меди и медных тарелок*” (“Моя любовь”, “Песня о живых и мертвых”

и др.). Не удалось избежать и подражания: в ранней лирике слышны мотивы Есенина, Тихонова, Багрицкого (“Я ушел...”, “Разговор”, “Исповедь”, “Казнь”). Дважды Кедрин слушал Маяковского в Днепропетровске, восхищался его поэзией, но никогда не пытался подражать.

Неоднократно к “младокузнецам” приезжали уже довольно известные в Москве поэты: Светлов, Голодный, Ясный, Уткин и Жаров. Впервые Кедрин побывал в Москве в 1925 г. вместе с поэтами Михаилом Сосновиным и Анатолием Кудрейко. 18 октября “Комсомольская правда” напечатала “Погоню” Кедрина:

Полон кровью рот мой черный,

*Давит глотку потный страх...*¹⁴

В мае 1925 г. он возглавил отдел рабочей жизни в газете “Грядущая смена”. По заданию редакции выезжал на заводы, в промышленные районы, посещал рабочие общежития. В “Грядущую смену” приходило огромное количество стихов, рассказов, очерков. Газета не могла опубликовать и половины.

В “Грядущей смене” работали Михаил Сосновин, Иван Правдин, Анатолий Кудрейко-Зеленяк, Гордей Немиллов, Сергей Волотковский, Иван Гвай. В конце 1923 г. пишущая молодежь объединилась в литгруппу. На заседания собирались в бывшем губернаторском доме. Зимой занимались в мансарде дома, летом – в городском саду.

“Читали произведения, спорили, отбирали все лучшее...”, – вспоминал в своей неопубликованной работе “Комсомольский Парнас” бывший рабкор Владимир Вельмин. В начале 1924 г. в Екатеринославе вышел первый номер журнала “Молодая кузница” (орган губкома комсомола). Эпиграф гласил: “Будущее принадлежит нам!”. К концу 1924 г.

вышло десять журналов, тираж достиг 12 тысяч экземпляров.

“Грядущая смена” опубликовала стихотворение Кедрина “Мост Екатеринослава” (мост, соединявший две части города, был взорван и рухнул на дно реки во время гражданской войны):

*И вот пришли, перевернули трапы,
Дымки горнов струили серебро,
А ты напруг свои стальные лапы
И вновь проплыл над голубым Днепром.
Здорово, мост, калека Заднепровья!..
Тебе привет от заводских ребят...*¹⁵

Д. Кедрин посещал занятия “Молодой кузницы”, печатался в одноименном журнале; позже в московских журналах “Прожектор”, “Комсомолия”, газетах “Комсомольская правда”, “Юношеская правда”. Уже тогда он отличался от других “младокузнецов”. По воспоминаниям Игната Мусиенко, в доме поэта на этажерке стояли книги Шекспира, Шиллера, Гете, Пушкина, Лермонтова, Блока, Тихонова, Гумилева, Багрицкого, Киплинга, Маяковского.

К концу 1920-х годов поэт начинает затрагивать совершенно иные темы. Постепенно подходит к главной идее своего творчества – идее Красоты. С Ф. Сорокиным посылают свои стихи Максимилиану Волошину в Коктебель, в надежде получить отзыв на них.

“Стихи этого поэта им близки и понятны, – пишет С. Кедрина, – они часто читали их в

тесной комнатке Кедриных, сидя на продавленном диване. Особенно любили это:

*И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
“Кто не за нас
– тот против нас
Нет безразличных: правда с нами”
А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.*

“Гражданская война”¹⁶

Кедрин и Сорокин 2 августа 1928 г. в письме Волошину писали, что “без строгой и

обоснованной критики трудно работать. Не веришь ни себе, ни другим, а Ваша оценка указала бы нам слабые стороны наших стихов и поддержала бы... Ваше мнение очень значительно для нас потому, что мы знаем и любим Вас как поэта, а верить в критическую неразбериху московских поэтов мы не можем”.

Второе письмо Кедрин написал уже один. Говорил, что ему очень хотелось бы видеть Волошину, говорить с ним, спрашивал, можно ли ему приехать в Коктебель. сетовал, что многие из посланных стихов написаны давно и уже не дороги ему:

“Вообще чувствую, что несовершенства в них достаточно, серьезности и мысли мало. Некоторые очень несамостоятельны. Сказывается влияние многих и особенно Ходасевича – моего любимого поэта...”

(16. XII. 1928 г.).

В конце письма: *“Простите, что посылаю так много стихов, не удержался в границах приличия”¹⁷.*

Кедрин послал Волошину три письма и около тридцати своих стихотворений, датированных 1927 и 1928 гг. (“Мастер”, “Гравюра”, “Кувшин”, “Вздохмаченный, немый и седой...”, “Зимний вечер”, “Пой и веруй” и др.). Этих юношеских стихотворений в домашнем архиве Кедриных не было. Среди них есть одно, в котором двадцатисемилетний Кедрин

писал о высоком назначении поэта:

Отмерь искусству полной мерой

Живую кровь и трудный пот,

Живи, надейся, пой и веруй:

Твое прекрасное взойдет!

“Пой и веруй”¹⁸

Началом своей литературной работы он считал 1928 г. В московском журнале “Октябрь” было опубликовано стихотворение “Казнь”, высоко оцененное Маяковским. Вскоре появились самые трагические стихотворения о гражданской войне “Прощение”, “Смерть Балабоя”:

За ваши души, за эти гроши

Клинком оглушен я, пулей прошит.

Вы гребли в сундуки серебро и меха,

Запаскудили совесть и душу сожгли мою!

“Смерть Балабоя”¹⁹

Кедринское отношение к Человеку во время усобиц и братоубийства, его вера в вечность

духа и Красоту перекликаются с волошинским философско-поэтическим кредо: *“В дни революции быть человеком, а не гражданином”.*

Под новый 1927 г. в квартире молодого поэта Евгения Горфина на Красной, в д. 2 произошла встреча Кедрина с Людмилой Хоренко, его будущей женой. Она в своих воспоминаниях «Белые розы» очень трогательно написала об этом: *“Я поняла, что полюбила Митю. Но сама еще боялась признаться себе в этом. Мною уже владело чувство бесконечной тревоги за него: из-за его слабого здоровья, из-за незащитности и житейской*

неустроенности. Я узнала, как ему трудно живется, подчас у них дома не было не

только хлеба, но даже спичек и соли. Тетушка, воспитывавшая Митю, ходила по знакомым и готовила обеды, за что получала то тарелку каши, то ломоть хлеба или кусок пирога.

Она стеснялась говорить об этом племяннику, которого безумно любила, и заботилась о нем, как о сыне”²⁰

Долгие годы неизвестной страницей в биографии поэта оставался факт его пребывания в днепропетровской тюрьме в 1929 – 1931 гг. “*Был судим за недонесение об известном мне контрреволюционном преступлении одного из моих знакомых и осужден на два года заключения. Побыл под стражей 15 месяцев, был досрочно освобожден*” – написал в своем личном деле Д. Кедрин²¹.

Сохранились дневниковые записи этого периода, где встречаются строчки из будущих стихотворений поэта “Бродяга”, “Поединок”, “Смерть Балабоя”.

В 1931 г. поэт переехал в Москву. “*Написал много новых и, говорят, недурных стихов*”, –

писал Кедрин Сорокину в Днепропетровск. – *Сделал из них книгу, назвал “Свидетели” и сдал в ГИХЛ... рецензенты дали о ней очень приличный отзыв*”²².

Жизнь в Москве вскоре разочаровала Кедрина, он понял, чего ждут от писателей. Подготовленную книгу преследовали неудачи. “*Я окончательно перестал чувствовать себя поэтом и добиваться так называемой славы... Я безвозвратно почувствовал, что переделывать себя неспособен. То, что я написал в последнее время все по духу такое, как “Гибель Балабоя”. Этого печатать не станут. А писать другое я могу, но не хочу... быть маленьким я не желаю, а в большие меня не пустят*”²³, – писал в отчаянии Кедрин Сорокину.

Еще в мае 1928 г. Кедрин в письме к Волошину говорил о том, что не будет менять “*идейное и формальное направление*» своих стихов: “*Совершенствовать их другое дело*”²⁴.

*Да, верить в славу – труд напрасный,
Ее на свете нет, а есть*

*Вражды ревнивой суд пристрастный,
Друзей расчетливая месть*²⁵.

“Свидетели” (1940) не могли выйти на протяжении девяти лет!

Несмотря на абсурд эпохи, непризнание, “*пропасть отчаяния*”, “*неверие в себя*”²⁶, произведения поэта становились все более значительными. Темы красоты, гармонии, бессмертия звучали в них. “Кофейня”, “Зимнее”, “Цветок”, “Сердце” – подтверждение тому.

В годы Отечественной войны Кедрин создал свои самые лиричные, проникновенные стихи о любви, природе: “Красота”, “Осенняя песня”, “Бабье лето”, “Осень 1941 года”, “Глухота”, “Хочешь знать, что такое Россия...”. Голос поэта выделялся из полифонии военной поэзии.

Трагическая смерть, а вернее, преднамеренное убийство оборвали его жизнь в момент наивысшего творческого горения. “*Я на год старше Пушкина*”²⁷, – незадолго до смерти записал в своем дневнике Кедрин.

Лидия Сейфуллина, познакомившись с творческими планами Кедрина после его смерти, была потрясена: “*Это план для всей русской советской литературы на ближайшие двадцать лет*”²⁸.

Поэт, как и его литературные герои, не очень вписывался в картину своей эпохи. На его глазах рушились человеческие жизни, устои, перекраивались души, властвовали тираны... А он как безвестный “строитель”, вопреки этому хаосу, созидал новые Храмы, города

-
- ¹ *Кедрина С.* Жить вопреки всему. Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина.
- М.: "Янико", 1996. – С.108.
- ² Там же. – С. 137.
- ³ Там же. – С. 108.
- ⁴ Там же. – С.3 – 6.
- ⁵ Там же. – С. 6.
- ⁶ Там же. – С. 9.
- ⁷ Там же. – С. 10.
- ⁸ ЦГАЛИ, ф. 1234, оп. 11, ед. хр. 132, л. 55.
- ⁹ *Кедрин Д.* Дума о России. – М.: Правда, 1966. – С. 27.
- ¹⁰ Там же. – С. 107 – 108.
- ¹¹ *Кедрина С...* – С. 12..
- ¹² *Кедрина С.* Жить вопреки всему. Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина.
- М.: "Янико", 1996. – С.12 – 13.
- ¹³ Там же. – С. 18
- ¹⁴ *Кедрин Д.* Дума о России. – С. 205.
- ¹⁵ Там же. – С. 209.
- ¹⁶ *Кедрина С.* Жить вопреки всему. Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина.
- М.: "Янико", 1996. – С.45.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Кедрин Д.* Дума о России. – С. 223.
- ¹⁹ Там же. – С. 41.
- ²⁰ *Кедрина Л.* Белые розы. Рукопись. - М., 1980-е гг. (Архив С. Кедринной).
- ²¹ *Кедрина С.* Жить вопреки всему. Тайна рождения и тайна смерти поэта Дмитрия Кедрина.
- М.: "Янико", 1996. – С.57.
- ²² Там же. – С. 131 – 132.
- ²³ Там же. – С. 132.
- ²⁴ Там же. – С. 133.
- ²⁵ *Кедрин Д.* Дума о России. – С. 223.
- ²⁶ *Кедрина С.* Жить вопреки всему. – 1996. – С.111.
- ²⁷ *Кедрина С.* Жить вопреки всему. – 1996. – С.109.
- ²⁸ Там же. – С. 209.

Мазуренко І. Дмитрій Кедрин // Мазуренко І. Мартинова С. Літературне Придніпров'я: Навчальний посібник з хрестоматійними матеріалами до шкільних програм. В Двох томах. Том 2. – Дніпропетровськ: ВАТ «Дніпрокнига, 2005. – с. 374-383.

